Сорока Мария Станиславовна
Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ),
Владивосток, Россия
Soroka-ms94@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. КРИВИНА

Ключевые слова: игра, языковая игра, приемы языковой игры, Ф. Кривин.

В статье рассматривается использование приемов языковой игры в творчестве Ф. Кривина. Данное явление, как часть смеховой культуры, как правило, работает на некоторое снижение описываемого или на его трансформацию, что ярко отражено в текстах писателя, активно использующего приемы языковой игры. В статье показывается, на каких уровнях языка и с помощью каких средств реализуется языковая игра в произведениях Кривина.

Soroka Maria
Far Eastern Federal University (FEFU),
Vladivostok, Russia

LANGUAGE-GAMES IN KRIVIN'S WORK

Keywords: game, language-game, rhetorical figure, F. Krivin.

This paper provides an analysis of language-game usage in F. Krivin's works. This rhetorical figure is a part of general humour culture and is generally used to downgrade or transform its context. This role of language-games can be repeatedly observed in Krivin's texts. The author employs different types and aspects of language-games. This paper explores the levels on which language-games are presented and means of language that Krivin uses to create comic effects.

Языковая игра как лингвистический феномен

К изучению явления языковой игры (ЯИ) обращались и обращаются многие исследователи.

Интерес к явлению игры не иссекает со времен античности — упоминание об игре слов, «забавных словесных оборотах», как средстве шутки или «обмана» слушателя содержится уже в «Риторике» Аристотеля [Тахо-Годи, 1978, с. 15–164].

Игра как таковая составляет неотъемлемую часть народной карнавальной культуры. Как отмечает В. И. Шаховский в «Лингвистической теории эмоций» [Шаховский, 2008], карнавальное начало смеха сегодня все более отчетливо проявляется в современном игровом пространстве языка.

Первые сравнения языка с игрой были представлены в работах Ф. де Соссюра и А. А. Потебни.

Однако термин «языковая игра» впервые был введен в употребление Людвигом Витгенштейном в «Философских исследованиях» [Витгенштейн, 1985, с. 79–129] лишь в 1953 году.

По Витгенштейну ЯИ — это форма самой жизни, где жизнь реализуется в языке. Язык же — это форма игровой деятельности. Иначе — вся человеческая жизнь (и, в частности, весь язык) — это совокупность языковых игр, их варьирование.

В дальнейшем понятие языковой игры, введенное Витгенштейном относительно истины в философии, было переосмыслено многими исследователями.

Первое систематизированное описание явления языковой игры в русистике было представлено в 1983 году в коллективной монографии Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой «Русская разговорная речь. Фонетика, морфология, лексика, жест».

В последние десятилетия языковая игра стала объектом целого ряда разносторонних и разноуровневых научных исследований, она рассматривалась в работах В. С. Виноградова, Е. В. Падучевой, Н. Д. Арутюновой, Т. А. Гридиной, В. З. Санникова, Г. Ф. Рахимкуловой, В. И. Шаховского, С. В. Ильясовой, Л. П. Амири, Ю. О. Коноваловой.

На настоящий момент существуют различные подходы к толкованию этого феномена, в нашей статье мы опираемся на точку зрения Санникова. По его мнению, ЯИ — это некоторая намеренно допускаемая языковая неточность, где читающий (слушающий) должен понимать эту намеренность, чтобы возникла возможность поддержать игру и понять глубинный смысл того, что за ней стоит [Санников, 2002].

Языковая игра в творчестве Феликса Кривина

Актуальность нашего исследования определяется самим явлением ЯИ как одним из активных способов формирования смысловой компрессии текста.

Ф. Кривин — писатель, активно использующий в своих произведениях языковую игру, она лежит в основе его текстов. Причем ЯИ у Кривина — это не отдельные вкрапления, а собственно ткань каждого произведения.

Цель исследования — выявить, на каких уровнях языка и с помощью каких средств реализуется языковая игра в произведениях Кривина.

В результате исследования мы установили, что Кривин пользуется приемами ЯИ, формируемыми на всех уровнях языковой системы: фонетическом, морфемно-словообразовательном, лексическом, морфологическом и синтаксическом.

Основные приемы языковой игры (на материале сборников «Полусказки» и «Принцесса Грамматика или потомки Древнего Глагола»))

Языковая игра на фонетическом уровне

- омофония: *'…Различайте, Господа, Где вода, Где не вода. Ведь нередко **Не вода** Это, детки, **Невода**'; 'Ну что за **катавасия**?/ Не вижу **кота Васи я**?'.* «Стихи для грамматического разбора».
- прием рифмовки: ***'Как-то раз одна Гор**и**лла Проход**и**ла через Н**и**л И в пучину угод**и**ла. Спас Гор**и**ллу Крокод**и**л'; 'Размышляла Рыба **Снеть**, Как попала Прямо в **сеть'.*** «Стихи для грамматического разбора».
- звуковой повтор: ***'Как-то раз одна Гор**и**лла Проход**и**ла через Н**и**л И в пучину угод**и**ла. Спас Гор**и**ллу Крокод**и**л'; 'Играет старость в **грелки**, не в **горелки'.*** «Стихи для грамматического разбора».

Языковая игра на морфемно-словообразовательном уровне

- Обыгрывание морфемной структуры слова, которое в научной литературе получило название «энтимология» — восстановление псевдопроизводящей основы, вычленение псевдоморфем — элементов, формально совпадающих с реальными морфемами, но не являющихся настоящими морфемами в данном конкретном слове: *'…**Вежды** глубоко навидели своего короля **Годяя**…'.* «Почему небылицы без «не» не употребляются».

В словах «невежды» и «негодяй» происходит вычленение псевдоприставки НЕ, так называемое «обратное словообразование» по Санникову.

- Восстановление внутренней формы слова, приводящей к возрождению стертой метафоры: **'Змеилась** речка в тишине, / Плетя витки излучин. / А там, на самой глубине, / Плотичку сом **прищучил**…», И как ни **петушился** день, / Но **съежился** и сник он…'.. «В мире животных».

Стихотворение строится на обыгрывании внутренней формы слова. Обыгрываются слова компаративной семантики, то есть та-

кие, в основе значения которых лежит метафорический перенос, при этом важно, что это уже стертая метафора.

- Создание словообразовательных окказионализмов: ‘*…освободите меня, я уже так опаздываю! Я застрял в этом зеркале, остекленел, озеркалился…*’. «История не прочитанная в книге «Алиса в Зазеркалье»».

Окказионализм «озеркалился» создан по той же словообразовательной модели, что и реальное слово «остекленел».

- Фокус-покус прием (эхо-конструкции), например: ‘*Шито-крыто*’.

Языковая игра на морфологическом уровне

В качестве средств создания ЯИ обыгрываются различные грамматические явления разного рода, но наиболее ярко представлена субстантивация: ‘*Внуки* ***погибших*** *на войне. <…>* ***Нерожденные*** *живут тихо-тихо, Выбирая самые укромные, уединенные места…*’. «Дети играют».

В данном тексте языковая игра создает трагический эффект. Автор добивается его с помощью многочисленного повтора субстантивированных действительных и страдательных причастий прошедшего времени. И это соединение субстантивации с сохраняющимся значением прошедшего времени создает трагизм произведения, отражающий трагизм реальной жизни.

Языковая игра на синтаксическом уровне

На синтаксическом уровне Кривин использует оригинальный прием — тексты без начала, в большей степени они представлены в цикле «Неначатые рассказы»: ‘*…и тогда Демосфен выплюнул свои камни и набрал в рот воды*’. «Урок красноречия».

Языковая игра на лексическом уровне

На лексико-фразеологическом уровне особенно ярко проявляется оппозиция слов с тождественным планом выражения и семантическим различием как база ЯИ. Оппозиция может быть эксплицитная и имплицитная. И та и другая наблюдается в текстах Кривина.

- Из собственно лексических средств самым частотным приемом является обыгрывание полисемии и омонимии.

Полисемия естественным образом является основным языковым средством формирования ЯИ на лексическом уровне:

*‘Конечно, **потасканный пиджак** не смог бы сам, своим суконным языком уговорить Пуговку’*. «Сплетня».

Оппозиция имплицитная. Сочетание слов ***потасканный пиджак*** рождает в когнитивной базе читателя понимание «поношенный, потертый». Но это словосочетание оказывается сразу в двух семантических микрополях, обусловленных разной сочетаемостью: *потасканный* + *пиджак* и потасканный + уговорить Пуговку (олицетворение, вызывающее представление о существе женского пола). В результате актуализируется еще один ЛСВ слова — «усталый, болезненный от беспорядочной жизни, распущенности» [Кузнецов].

Омонимия, как и полисемия, активно используется как средство ЯИ:

‘…никакая наша пресса не обходится без пресса’. «Из жизни журналистов».

В данном тексте используются омоформы слов *пресса* и *пресс*. Это эксплицитная оппозиция.

- Также одним из активных является прием использования паронимов и парономазов.

Паронимия:

‘Как много в жизни житейских дел! Пока переделаешь все житейские дела, на жизненно важные жизни не остается’. «Жизненное и житейское»

Текст построен на антитезе, противопоставлении паронимов: *житейский* — обыденный, связанный с ежедневной жизнью и *жизненный* —

1) относящийся к жизни, 2) важный для жизни. ЯИ с устойчивыми сочетаниями: житейская суета, жизненная необходимость, дело житейское, жизненная мудрость, житейский опыт. Кривин сталкивает значения сочетаний, тем самым появляется дополнительный дидактический смысл.

Парономазия:

*‘Ты называешь **пиратов пилатами**, Я называю **пилатов пиратами**. Ты — потому, что сказать трудновато, Я — потому, что я знаю пилатов’*. «Разговор с юным читателем».

В этом тексте представлена оппозиция сходных (очень близких) по звучанию слов, но не имеющих даже исторического семантического родства. По отношению к таким явлениям используют еще

термин «парономатическая аттракция». Приведенный текст интересен тем, что здесь смысл как будто не скрыт, лежит на поверхности, но только при условии, что читающему знакома скрытая за словом «пилат» прецедентная ситуация.

Такие наслоения смыслов, скрытых за тем или иным приемом языковой игры, очень характерны для Кривина.

- Фразеология — это основное средство создания ЯИ. У Кривина на разного рода трансформациях фразеологизмов строится значительная, если не преобладающая, часть текстов. Основной тип трансформации, который использует писатель, это *буквализация* (совмещение фразеологизма и свободного словосочетания), например: '*Понимая всю важность и ответственность своей Жизненной миссии.* ***Часы не шли: они стояли на страже времени'***. Кроме того используется прием соединения в одном тексте двух и более фразеологизмов: '*…и теперь, выйдя на широкую дорогу, он уже не рвался в* ***краеугольные камни****, а довольствовался скромной ролью* ***камня преткновения'***.

Также важно отметить, что средства разных уровней часто контаминируются: омофония со словосложением, псевдоморфемы формируют новые смыслы и тем самым захватывают и лексический уровень и т. д.

Таким образом, языковая игра у Кривина выполняет стилеобразующую и текстообразующую функцию, участвует в выражении концептуального содержания произведений. Каждый сравнительно небольшой текст, напоминающий по форме притчу, благодаря языковой игре наполняется дополнительными смыслами, для декодирования которых читатель должен обладать общекультурным фоном знаний.

ЛИТЕРАТУРА

Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. 1985. С. 79–129.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка // Грамота.ру. http://gramota.ru/slovari/info/bts (Дата обращения: 10.03.2016)

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.

Тахо-Годи А. А. Аристотель. Риторика // Античные риторики: сб. текстов. М.: Изд-во МГУ, 1978. 352 с. — С. 15–164.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.